

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Сборник статей

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Р-4
И 85

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ),
проект № 06-04-16170

И 85 Исследования по глагольной деривации: Сб. ст. / Отв.
ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. — М.: Языки славянских
культур, 2008. — 384 с.

ISBN 978-5-9551-0243-6

В сборнике представлено пятнадцать статей, посвященных разнообразным семантическим и синтаксическим аспектам отглагольной деривации. На материале языков различной генетической и ареальной принадлежности авторы исследуют структуру и значение нескольких типов отглагольных образований, в частности, актантных и аспектуальных дериватов, а также номинализаций.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся лингвистической типологией, теоретическим синтаксисом и грамматической семантикой.

ББК 81.2Р-4

*В оформлении переплета использована
картина Альбрехта Дюрера «Кусок дерева»*

© Авторы, 2008

ISBN 978-5-9551-0243-6 © Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Раздел 1. Актантная и аспектуальная деривация

<i>М. А. Даниэль, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова.</i> Каузатив в агульском языке: способы выражения и семантические контрасты	19
<i>М. Ю. Иванов.</i> Каузативизация и предельность	47
<i>К. В. Антонян.</i> Смерть в простых и сложных каузативах	72
<i>П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий.</i> Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке	77
<i>А. И. Кузнецова.</i> Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения	103
<i>О. А. Казакевич.</i> К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации	114
<i>А. А. Кибрик.</i> Пропозициональная деривация и атабаскские языки	127
<i>М. Б. Бергельсон.</i> Пропозициональная деривация и картвельские языки	149

Раздел 2. Номинализация

<i>Е. А. Лютикова, П. В. Гращенков.</i> Номинализации и семантико-синтаксический интерфейс	171
<i>А. В. Подобряев.</i> Подлежащее при номинализациях в русском языке	231
<i>Е. Л. Рудницкая.</i> Фразовая номинализация в корейском (и проблема групповой флексии)	250
<i>А. Б. Шлуинский.</i> Имя деятеля и хабиуталис: семантическая и диахроническая связь	272
<i>Д. В. Герасимов, Ю. А. Ландер.</i> Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке	290
<i>Н. В. Сердобольская.</i> Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое	314
<i>А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов.</i> Отглагольное имя и структура русского глагола	348

ПРЕДИСЛОВИЕ

В типологической и теоретической литературе последних двух десятилетий можно найти, с одной стороны, разнообразные обобщения о семантике и дистрибуции видо-временных и модальных грамматических показателей, а с другой — результаты семантических исследований глагольной лексики. Достижения в этих двух областях весьма существенны. Нам известны способы грамматического выражения информации о внутренней структуре ситуации, ее временной локализации и о ее соотношении с актуальным миром. Нам известны как семантические характеристики глагольных показателей в отдельных языках — начиная с русского, английского, других европейских и далее по многим и многим генетическим и ареальным общностям, — так и универсальные ограничения на организацию грамматических структур, на семантические свойства грамматических морфем и на пути их диахронического развития. Нам также известны многочисленные способы описания и объяснения фактов, касающихся глагольных систем и компонентов этих систем. В нашем распоряжении, наконец, имеются знания о регулярных моделях, по которым строится лексическое значение отдельных глаголов и целых глагольных классов в различных языках, а также развитый инструментарий описания этого значения. Перечислять «основные достижения» во всех этих областях вряд ли возможно, и мы не будем даже пытаться, — слишком велико разнообразие описываемых языков, приемов описания и, самое главное, теоретических систем, в рамках которых описание создается.

В то же время есть область исследования, непосредственно связанная с перечисленными выше, однако развивающаяся медленнее, чем они. Это сфера глагольной деривации, в которую попадает огромное множество грамматических средств, значений и показателей. Одни показатели сохраняют синтаксический класс и создают из глагола новый глагол — это, в первую очередь, актантные и аспектуальные деривации. Другие показатели меняют синтаксический класс это, в частности, номинализации, преобразующие глагол в имя.

И те и другие показатели в большинстве языков обладают характерологическими свойствами деривационных, а не словоизменительных морфем — их присутствие в составе словоформы необязательно, их отсутствие незначимо, их дистрибуция редко не имеет лексических ограничений, зато их значение часто некомпозиционно (по меньшей мере, на первый взгляд). Однако не только это делает их привлекательным объектом для исследования.

Вот, например, актантные деривации. Все как будто давно известно: каузатив добавляет каузирующий аргумент к предикату, обозначаемому исходным глаголом, декаузатив удаляет такой аргумент из актантной структуры, и так далее. Однако в действительности чем больше мы исследуем каузативы и декаузативы в разнообразных языках, тем больше вопросов возникает. Что в точности добавляет каузатив — только аргумент или, может быть, целое каузирующее подсобытие? Где проходит граница между контактными и дистантными каузативами, и всегда ли можно, зная семантику исходной основы, предсказать, какой каузатив образуется? Имеются данные, что каузативизация меняет аспектуальные свойства предиката. Как такое возможно, если каузатив — это не более чем один из способов манипулирования актантной структурой? Наконец, где происходит присоединение морфемы каузатива — в словаре, в синтаксисе, или это параметр варьирования?

Возьмем декаузатив. Мы привыкли считать, что декаузатив устраняет актант, заданный в словарном представлении глагола. Однако если это действительно так, то декаузативизация — это едва ли не единственный морфосинтаксический процесс, не создающий и не усложняющий семантическую структуру, а разрушающий и упрощающий ее. И если мы серьезно относимся к идее семантической композициональности, то надо объяснить, что в точности происходит. Можно понимать актантную деривацию как операцию, а ее показатель — как оператор; но как тогда выглядит декаузативный оператор, если его функция состоит в том, чтобы стереть агенс/каузатор?

Изучение актантных дериваций по крайней мере опирается на длительную традицию, как отечественную (в первую очередь на работы Ленинградской типологической школы), так и западную. Исследование аспектуальных дериваций таких, которые в частноязыковых описаниях фигурируют под названиями типа фреквентатив, итератив, моментатив, узитатив, раритив, хабитив, — по-настоящему еще только начинается. В грамматических описаниях конкретных языков мы обычно находим упоминание о том, что в языке

есть некоторая деривационная морфема, сообщение о том, что она «может выражать» значения ‘а’, ‘b’ и ‘с’, и хорошо если с десяток примеров ее употребления. Ознакомившись с такой информацией, мы обычно остаемся с набором вопросов, на которые некому ответить. Думаю, всякому, кто пробовал исследовать что-то подобное, например, в уральских, алтайских или северокавказских языках, территориально близких живущему на Среднерусской возвышенности лингвисту, не говоря уже о более отдаленных, знакомо чувство беспомощности, когда интуиция не может ни призвать на помощь опыт предшественников, ни найти опору в устоявшейся теории.

Может быть, в области номинализации ситуация намного лучше? В определенном смысле да: эта область подвергалась глубокой теоретической проработке с начала 70-х, когда появились «Заметки о номинализации» Н. Хомского. Тем не менее и здесь вопросов и недоумений пока более чем достаточно. Часто говорят, что отглагольные имена обладают и именными и глагольными свойствами. А всегда ли мы отчетливо представляем себе, каким образом утрачиваются глагольные свойства и приобретаются именные? Финитная предикация, содержащая глагол, выражает информацию о временной референции описываемой ситуации, а конструкция с образованным от этого же глагола существительным — нет. И это вроде бы естественно — темпоральная семантика существительным не свойственна. Но если глагол ингерентно является носителем информации о временной референции, то куда уходит эта информация? Какой компонент языковой системы отвечает за такие преобразования — словарь или грамматика, и если грамматика, то морфология или синтаксис?

Или, например, падежное кодирование актантов отглагольного существительного. В русском языке именная группа, зависимая от отглагольного существительного, не может стоять ни в номинативе, ни в аккузативе (**написание Вася письмо* vs. *написание Васей письма*). Есть языки, в которых в составе номинализации допускается аккузатив, но не номинатив. Есть и такие, где номинализации допускают такое же падежное оформление актантов, как финитные клаузы. С чем связано это межязыковое варьирование?

В последние полтора десятилетия все большую популярность приобретает идея, что любые номинализации с событийной интерпретацией и обязательным внутренним аргументом, как русское *написание письма*, представляют собой продукт синтаксической деривации и содержат в себе по меньшей мере глагольную группу. Одна-

ко если это верно, возникают дальнейшие вопросы. Есть ли в номинализациях что-то помимо глагольной группы? Об одних и тех же номинализациях, например, о существительных на *-tion* в английском языке, высказываются шокирующе различные точки зрения — и каждая подкрепляется набором серьезных аргументов. Одни считают, что в этой номинализации представлена структура клаузы почти целиком, другие настаивают, что присутствует только самый минимум глагольная группа и, может быть, еще группа малого, или легкого глагола.

Учитывая, что в среднем экзотическом языке (вспомним хотя бы русский) обычно имеется с десяток различных отглагольных имен (а если учитывать не только существительные, но и отглагольные адъективы, то и больше), а опознание функциональной структуры, доминирующей над глагольной группой, — процедура трудоемкая и технически сложная, следует признать, что и здесь еще многое предстоит сделать.

Настоящий сборник, конечно, не претендует на то, чтобы внести окончательную ясность в обозначенные выше проблемы. Однако помещенные в нем 15 статей, как представляется, охватывают достаточно широкий спектр явлений, теоретических подходов и языков, чтобы читатель мог составить представление и об эмпирическом разнообразии отглагольной деривации, и о ее теоретической увлекательности.

В первую часть — «Актантная и аспектуальная деривация» — вошли восемь статей о языках — представителях пяти языковых семей (уральской, северокавказской, сино-тибетской, алтайской, атабаскской). Отчетливая межязыковая направленность первой части позволяет вывести на первый план ключевые проблемы современной лингвистической типологии, среди которых одна из главных, как ни парадоксально, — проблема выбора адекватного объекта исследования. Типология, оперирующая представительными выборками, достигает убедительных результатов, но только там, где частно-языковые факты лежат на поверхности, — это сегментная фонология, строение парадигм, элементарный порядок составляющих, кодирование ядерных актантов предикации, падежные, числовые, лично-числовые, родо-числовые системы, то есть в конечном итоге все то, что вошло в первый круг гринберговских универсалий. Шаг в сторону — и работа с выборкой делается невозможной, поскольку частно-языковые описания молчат об интересующих исследователя фактах.

Предположим, вы решили совершить типологическое исследование фреквентатива. Скорее всего, ваше исследование зайдет в безнадежный тупик, когда вы обнаружите, что из 100 грамматик, в которых слово «фреквентатив» представлено в предметном указателе, 90 содержат менее трех примеров употребления этой формы. Кроме того, почти наверняка попутно вы сделаете поучительное наблюдение о том, что из этих же 100 грамматик трудно выбрать более десяти, в которых слово «фреквентатив» обозначает одно и то же понятие.

Получается, что в этом месте типология заканчивается? Московская типологическая школа, к которой принадлежит большинство авторов настоящего сборника, дает отрицательный ответ на этот вопрос. Два ноу-хау Московской школы — это типологически ориентированное описание индивидуальных языков и типология малой группы. Первое обеспечивает минимум качественный набор данных, а максимум — пищу для большой теории. Второе ноу-хау дает строгое обоснование тому ощущению, которое все типологи испытывают, но о котором большинство стыдливо молчит: 90 % интересных обобщений происходит при исследовании первых 5 % выборки.

В рамках этих двух традиционных для российской типологии направлений и построены статьи, вошедшие в первый раздел настоящего сборника. Раздел начинается с обсуждения семантических и синтаксических характеристик каузативов в агульском, карачаево-балкарском и китайском языках — см. статью М. А. Даниэля, Т. А. Майсака и С. Р. Мердановой «Каузатив в агульском языке: способы выражения и семантические контрасты», статью М. Ю. Иванова «Каузативизация и предельность» и статью К. В. Антонян «Смерть в простых и сложных каузативах». В современных исследованиях каузатива есть несколько живо обсуждаемых проблем — каковы частные значения каузативного показателя, каковы закономерности, регулирующие падежное оформление каузируемого участника ситуации, каковы семантические и синтаксические корреляты широко засвидетельствованного противопоставления контактных, или прямых, и дистантных, или опосредованных, каузативов, и, наконец, как происходит грамматикализация каузативных показателей. Обсуждение перечисленных проблем на материале языков, мало известных с этой стороны широкому кругу лингвистов, несомненно, послужит для читателя источником свежих впечатлений о каузативах.

Не менее увлекательное чтение предлагают П. М. Аркадьев и А. Б. Летучий, авторы статьи «Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке». По сравнению с каузативом, типология антипас-

сива разработана значительно беднее и фрагментарнее, и не будет преувеличением сказать, что даже минимальный набор базовых фактов, подлежащих неперемемному описанию и объяснению при изучении антипассива в новом языке, еще не окончательно устоялся. В предложении *Когда Надя вошла в комнату, Володя писал* глагол *писал* — это антипассив? Если нет, то что, если да, то почему? Для русского языка ответ известен — это не антипассив, поскольку в этом же предложении допускается и прямое дополнение в аккумулятиве, например, *Володя писал «Материализм и эмпириокритицизм»*. Для языков типа адыгейского, как показывают авторы статьи, чтобы дать ответ, зачастую требуется довольно длинная линия аргументации.

Селькупский язык, вечный соблазн для многих поколений типологов и уралистов, обсуждается в статьях О. А. Казакевич («К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации») и А. И. Кузнецовой («Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения»). В этих взаимодополняющих статьях рассматриваются, во-первых, акциональные свойства глаголов, которые в самодийских языках распадаются на две группы в зависимости от того, какую временную референцию имеют их наименее морфологически маркированные формы, а во-вторых, семантические характеристики ряда аспектуальных дериваций, объединяемых под общей рубрикой глагольной множественности. «То, что в описаниях называется глаголами совершенного вида, — пишет О. А. Казакевич, — это, по сути, глаголы, описывающие события, а глаголы, относимые к несовершенному виду, описывают процессы или состояния». «В селькупском языке (и в русском, как показал в свое время С. О. Карцевский), — заключает А. И. Кузнецова, — приемы внутриглагольного словопроизводства представляют собой ряд наслоений, “ступеней”».

Завершают первый раздел очерки А. А. Кибрика («Пропозициональная деривация и атабаскские языки») и М. Б. Бергельсон («Пропозициональная деривация и картвельские языки»), дающие выразительные и запоминающиеся типологические портреты соответствующих языков в плане пропозициональной деривации. (Этот теоретический концепт, используемый авторами обоих очерков, включает, в отличие от традиционного понятия актантной деривации, любое, а не только собственно актантное, преобразование исходной пропозициональной структуры.)

Второй раздел книги — «Номинализация» — содержит статьи, в которых также обсуждаются данные языков различной генетической